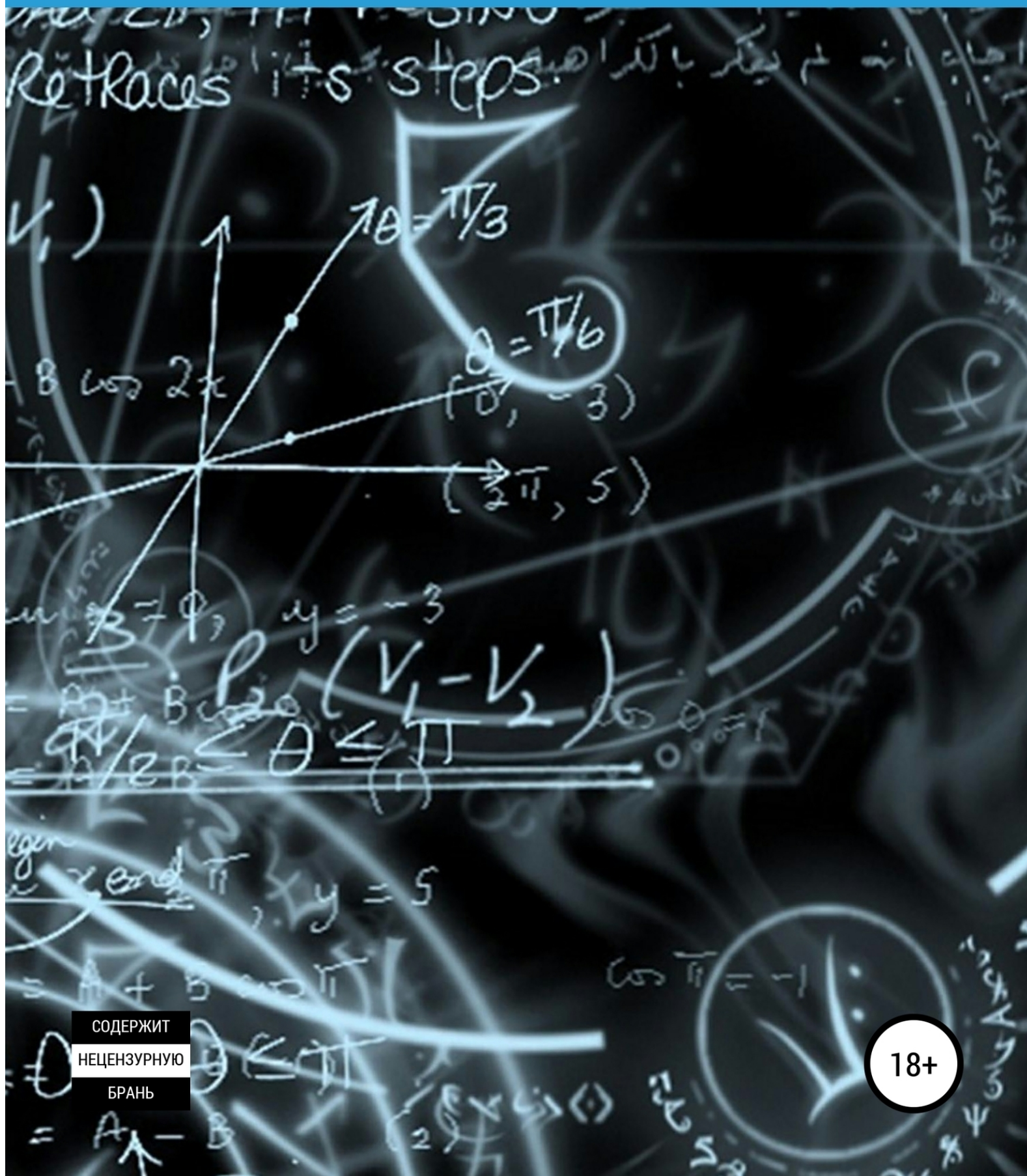

Муханов

Почтальон vs Редактор

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Муханов

Почтальон vs Редактор

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Муханов

Почтальон vs Редактор / Муханов — «ЛитРес: Самиздат», 2019

Эта книга – о том, как создается история людей и событий. Почему достаточно лишь одной невероятной случайности, которая в итоге вдруг определяет глобальный сдвиг? Есть ли неведомая сила, способная менять то, что, казалось, уже было предопределено человечеству? Герои романа, вымышленные и реально существовавшие, в трёх судьбоносных для России исторических эпохах (Война 1812 года, Великая Отечественная война, наше время), тесно переплетая свои действия, ищут ответы на эти вопросы. Способны ли они, слыша таинственный голос, идущий сквозь время и расстояние, только передать его послание власть имущим, или же готовы действовать сами, правя полотно истории? И могут ли они, зная будущее, изменить прошлое? Содержит нецензурную брань.

© Муханов, 2019

© ЛитРес: Самиздат, 2019

Содержание

Отказ от ответственности	5
Эпиграф	6
Глава 1	7
2019 г., Максим Шмелев	7
Глава 2	9
1943 г., Евгений Соболев	9
Глава 3	12
1812 г., Алексей Берестов	12
Глава 4	15
2019 г., Дмитрий Лозинский	15
Глава 5	17
1943 г., Евгений Соболев	17
Глава 6	19
1812 г., Алексей Берестов	19
Глава 7	21
2019 г., Максим Шмелев	21
Глава 8	23
1943 г., Евгений Соболев	23
Глава 9	25
1812 г., Алексей Берестов	25
Глава 10	30
2019 г., Максим Шмелев	30
Глава 11	33
1943 г., Евгений Соболев	33
Глава 12	36
1812 г., Алексей Берестов	36
Конец ознакомительного фрагмента.	40
2	

Отказ от ответственности

Все события и их участники, изложенные в произведении, являются плодом воображения автора, за исключением тех, которые безусловно известны в российской и мировой истории. Любое совпадение с реальными местами, адресами, людьми, организациями – совершенно случайно.

Эпиграф

«Действие даже самого крохотного существа приводит к изменениям во всей Вселенной»
Никола Тесла

Глава 1

2019 г., Максим Шмелев

Каждый раз, когда я смотрю на звезды – такие тусклые, и невидимо далекие в загаженном пепельном небе нашего гиганта-города Москва, я всегда думаю об одном и том же. Вот все, что пишут фантасты в своих опусах, что показывают нам в кино вроде Звездных войн, путей, крейсеров и так далее – все это ведь бесконечно далеко от любой возможной реальности! Вот летают корабли от одной звезды к другой просто так на сверхсветовой или через фантастическое гипер-пространство, люди в полете не стареют, не меняются, как будто и не было в свое время сказано добрым швейцарцем Эйнштейном, что быстрее скорости света никто никогда не разгонится, ну хоть ты тресни! И в Википедию люди не смотрят, не сознают, то в одной нашей солнечной системе триллион небесных тел, а звезд таких триллион в галактике Млечный путь, а галактик таких во Вселенной тоже триллион, а Вселенных, наверное, тоже триллион, и так далее. В общем, все так несоизмеримо, а мы в этом мире такие даже не песчинки, не атомы, не электроны и даже не кварки, а так бесконечно малы, что попасть даже до ближайших звезд нам не светит еще миллионы лет, и можно даже на эти все возможные другие цивилизации рукой махнуть и не верить. Вот и я не верил, пока в первый раз, случайно, не услышал Голос.

То есть, этот Голос, конечно сам меня нашел. Он пришел первый раз, когда я спокойно и грустно сидел в своей одинокой однушке и смотрел по ТНТ очередную «Битву Экстрасенсов». Это было вначале как выстрел в одиночной камере приговоренного к смерти, резко и громко до потери пульса, но одновременно величаво и раскатисто, как волна захлестывает ноги на средиземноморском пляже. Я будто почувствовал, что кто-то стоит в пустой комнате и смотрит на меня как бы изнутри, и даже вдруг подумал, что это ощущение создал городской колдун, только что делавший пассы косматыми кистями прямо в ЖК-экран моего телевизора. Уже потом я понял, что все более-менее внятные деятели, те, кто сидит в этих телешоу, получают такие же вызовы, как и я. А дальше в микроскопической точке где-то внутри меня затрепетало, заколыхалось само пространство, как паволока на прекрасных женских глазах, и в мою голову по-змеиному вполз этот Голос.

При первом контакте они ничего не просили, не требовали, не хотели и не приказывали. Они еще ничего обо мне не знали, а кто был я для них – ничтожный пункт в бесконечности далекого пространства-времени. И они просто теперь были со мной, а зачем, я тогда не знал, конечно же. Я вначале решил, что происходит какой-то сдвиг в моей интуиции: в один момент голос начинает звучать в мозгу и говорить то, чего ты не мог знать никогда. Это ясновидение, пророчества, сумасшествие – все, что угодно, то, чем человечество каждый раз в своей истории это называло, когда у очередного «контактера» обнаруживалось то же самое свойство. Впрочем, я не знаю, сколько таких было, как я. Пока еще не знаю.

Они начали с простой и понятной вещи – дали мне немного подзаработать. Вначале это выглядело, как вдруг родившаяся мысль: а если что-то произойдет именно так? Но мысль эта была подобна яркой сверхновой, которая, вспыхнув, моментально захватывала все пространство внутри меня. И она превращалась вначале в идею, а потом в полное, стопроцентное убеждение, сияющее так, что с ним нельзя было бороться, а только лишь следовать ему.

Например, мне сказали, как сыграют все команды в плей-офф чемпионата Европы по футболу, и когда я выбирал на сайте букмекерской конторы ставку на победу Исландии в матче с Англией¹, мне думалось, что я выкидываю в помойку 1000 рублей. Но через неделю я получил на карточку сто двенадцать тысяч, мне стало просто так хорошо, что я решил и дальше доверять своей поразительной интуиции.

Теперь утром я протираю затекшие глаза и пытаюсь вспомнить, что они мне сказали ночью, иногда эта картинка эта стоит перед глазами как голограмма, полно и трехмерно, я представляю это как будто только что видел это и держал в руках, или как будто я был внутри, посередине всего этого, горящего и пылающего у меня в голове. Но что это именно – я до сих пор не в состоянии понимать....

¹ 1/8 финала Евро-2016. Исландия-Англия 2:1.

Глава 2

1943 г., Евгений Соболев

Впереди и внизу ярко пылало, клубилось и полыхало оранжево-черное море огня, обрамленное дымом и летящими во все стороны комьями земли, щепами и обломками. Звено штурмовиков заходило на это море, отчаянно урча моторами и подсвечивая его трассирующими очередями из бортовых пулеметов. Внизу, куда не кинь взгляд, было нагромождение наступающей техники, копошащихся среди нее черных и зеленых фигурок солдат, тонких нитей окопов и проволочных заграждений, грязно-коричневых пятен огневых точек. Семерка ИЛ-ов² неудачно била бомбами, пушками и ракетами по тяжело ползущему вперед немецкому танковому клину, наступающему встык между позиций обороны двух советских дивизий. Несколько сделанных подряд заходов на цель обрушили вниз облака кипящего и шипящего железа и свинца, но кабанья голова из почти пятидесяти бронированных машин неуклонно продолжала движение вперед. Уже начинающее садиться солнце тускло просвечивало через пелену черных дымов, все вокруг ревело, трещало и рвалось на мелкие брызги осколков и человеческих криков.

Здесь, в районе севернее Курска, разворачивалось невиданное ранее в истории войн³: все самые современные технологии уничтожения человека человеком скопились в виде сотен новейших бронированных монстров-танков и самоходок, а также тысяч пушечных стволов, миллионов бомб и снарядов и сотен тысяч людей, пускающих все это в ход друг против друга.

У Женьки Соболева этот боевой вылет был всего вторым. Сам Женька, молодой белобрысый лейтенант со слегка кустистыми бровями и умным внимательным взглядом исподлобья считал его первым. Про реальный первый вспоминать особо не хотелось: три месяца назад совсем юный девятнадцатилетний летчик едва не сгорел, причем в него ничего не попадало, а заклинила и рванула при выпуске в люке фугасная авиабомба, и Евгений едва посадил объятую пламенем машину на открытую поляну где-то в лесу южнее Воронежа, но всего в десятке километров от полкового аэродрома и на своей территории, по счастью. Сам слегка обгорел, с левой руки кожа облезла как перчатка, но больше осталось обиды: в бой не вступил, пострелять-покидать бомбы с ракетами не смог за свою Родину, машину, хоть и не по своей вине, но загубил, сам на койку попал. Из полевого госпиталя, уже через три дня, оклемавшись, стал проситься обратно в полк. Все воюют, а он здесь на койке прохлаждается, хотя руки-ноги-голова целы и в порядке.

Вот и сейчас сразу же не повезло. На взлете не убралось левое шасси, и пока Соболев перекрикивался по радию с комполка и инженером эскадрильи, все остальные ИЛ-ы уже ушли на линию боевого соприкосновения.

– Нагоняй их, штурмуй, и там как сложится! – приказал комполка Поварков, и Женька его прекрасно понял.

Конечно, начальству сейчас главное отбомбиться по противнику, а сядет или нет летчик после этого – дело десятое, учитывая обстановочку на фронте. Самолет ему дали самый старей в полку, еще одноместный, много раз латанный–перелатанный, уже дважды садившийся

³ Действие происходит во время сражения на северном фазе Курской дуги, между войсками К.К.Рокоссовского (СССР) и В.Моделя (Германия), 5-18 июля 1943 года

на фюзеляж, один раз даже с капотированием⁴. А что поделать – все новые машины в полку заняты, спасибо, что хоть эту выделили, а то вообще не летал бы. И Соболев, три раза плюнув через левое (старая привычка, еще бабушка в родной уральской деревне научила, от беды), бодро вскочил в кабину и задвинул фонарь.

А потом – уже привычное радостное ощущение взлета, привычная тяжесть самолета, до завязки нагруженного контейнерами с ПТАБами⁵, легкий набор высоты после отрыва от земли и непривычный звук закрытия шасси, после горящая лампочка о том, что одно колесо так и не убралось. И полет до линии фронта в одиночку, без ведущего, как будто все эти 20 минут сам с собой размышлял и прощался: знал, что или не долетит, или если долетит, то собьют из зенитки, или если не собьют, то накроют «мессеры» в квадрате штурмовки, или если не накроют, то обратно не долетит, или если долетит, то не сядет... В общем, в таком настроении он и подошел к указанной цели.

Своих самолетов уже в воздухе не было. Они, воткнувшись в израненную землю, догорали теперь дымными кострами, раскинув крылья, как обгоревшие пальцы рук. Внизу Женька увидел два почти рядом, а примерно в километре от них и третье место падения, и сразу понял, что там лежат его боевые товарищи. Он летел без стрелка, но и стрелок ему не помог бы, будь он здесь всего 15 минут назад. А теперь он один, совсем один, и куда лететь, не знает. Наверное, подумал он, истребители прикрытия, как это часто бывало, бросив свои штурмовики вошли в воздушный бой, и ребята попали под атаку другой группы «мессеров» в момент захода на цели. Стало тоскливо. И тут как будто кто-то толкнул Евгения в самый затылок. Он удивленно повернулся, надеясь, что его не атакуют сзади, и вдруг почувствовал, просто ощутил, что ему надо на три с половиной километра на северо-восток, к вон тому куску леса, чернеющему вдаль. Он глянул вперед, назад, повертел головой во все стороны – небо вокруг было на удивление чистым и пустым. Как будто и не шел здесь совсем недавно яростный воздушный бой, не пронизывали его цветные трассы выстрелов пушек и пулеметов, не срывались вниз, оставляя прощальный дымный след, самолеты, не гибли, крича от ужаса и паскудно ругаясь в последний раз перед ударом о землю, легчики. И тогда, закусив губу от нахлынувшей злости, Соболев направил самолет туда, куда кто-то ему только что подсказал.

– Снижайся до бреющего! – был следующий приказ. И опять, это не радио, это тот же тихий, но как будто не терпящий возражений голос у него в голове. Женька, убрав газ, аккуратно снизил свой ИЛ до ста метров. Слышался шум ветра, натужно гудел мотор. Кромка лесного массива быстро приближалась. И тут он увидел: внизу, как на параде, неумолимо рыча и поднимая облака пыли, к линии фронта шел танковый клин. Впереди, как огромные черепахи, двигались несколько новых «тигров» – их квадратные угловатые формы Евгений узнал сразу, накануне на инструктаже эскадрильи комэск Вася Попков показывал и все рассказывал про эти новые немецкие чудо-танки. Сверху они казались невероятно красивыми: грациозная мощь, помноженная на ужас от их появления здесь, готовых смять и растоптать в пыль нашу оборону. Чуть далее, будто прячась за колоссальную «тигρινую» броню, ползли другие танки, размером поменьше, но такой же внушительной мощи. Посередине и немного позади, прикрываясь, шли несколько тяжелых бронетранспортеров с взводами немецкой пехоты. Меньше чем через час вся эта грозная сила должна была добраться до позиций нашей обороны, прорвать ее и двигаться дальше. Но теперь на нее заходил всего один маленький самолет, несущий смерть в подвешенных к крыльям квадратных контейнерах.

⁵ ПТАБ – советская противотанковая авиационная бомба, предназначенная для поражения бронетехники с помощью кумулятивного эффекта, масса 1,5 кг.

Новой команды от неизвестного внутреннего голоса Жене не потребовалось: немцы были как на ладони, и от осознания этого он весь затрясся, завибрировал, руки, держащие штурвал, вспотели и задрожали в предвкушении атаки. Забыв обо всем, попытавшись собраться и сконцентрироваться только на цели, он повел свой ИЛ на первый заход, заранее спланировав атаку в два. Прочертив в воздухе диагональ к курсу вражеских танков и поравнявшись с ними, Соболев плавно нажал кнопку электросбрасывателя для выпуска бомб из всех 4-х контейнеров и сразу же бросил самолет в горку, поднимая его вверх для разворота и второго захода на клин. Внизу распускались бело-оранжевые цветы разрывов: почти 200 ПТАБов накрыли технику немцев, подобно огненному смерчу.

– Уходи быстро! – услышал Евгений тот же голос. – Лети, к своим!

Но азарт боя уже захватил сознание молодого летчика, делая левый вираж в сторону от противника, он невольно глянул и увидел внизу просто невероятный результат своей штурмовки: два головных «тигра» горели с пробитыми сверху башнями, третий, кажется, крутился на месте с перебитой гусеницей. Чуть дальше поднимался дым из корпусов пяти или шести других танков, а за ними стояли превращенные в месиво остовы от трех бронемашин, вокруг которых суетились черные фигурки солдат. Самолет почти развернулся для второго захода, Евгений приготовился стрелять из бортовых пушек. В голове мелькнула уже собственная тщеславная мысль:

– Если подтвердят штурмовку, то этот вылет точно на Красную Звезду, а то и Героя дадут...! – но тут же сильнейший удар потряс весь корпус машины и огненные брызги от попавшего прямо в мотор зенитного снаряда полетели, казалось, прямо в лицо Женьке.

Вираж был почти закончен, и ИЛ-2 с уже остановившимся винтом, поврежденным осколками хвостом и полностью потерянным управлением на относительно небольшой скорости стал врезаться в лес, ломая верхушки берез и сосен. Плоскости и корпус самолета отскочили моментально, а бронекабина с откинувшимся назад Евгением пролетела вперед по инерции еще метров триста, и, кувыркаясь, рухнула в небольшой овражек, покрытый густыми зарослями орешника. На мгновение перед глазами Соболева наступила чернота.

Но перед тем, как свет в глазах Евгения померк, он уже угасающим сознанием уловил непонятные слова: «Грядущее грядет», как будто произнесенные этим же странным голосом, только что отзвучавшим в его голове.

Глава 3

1812 г., Алексей Берестов

«Его превосходительству, генерал-майору Дмитрию Петровичу Неверовскому⁶, приказываю:

Вверенной Вам 27-ой Дивизии, надлежит, имея в тылу Красный, вести наблюдательные действия за неприятелем в течение ближайших двух дней, и, ежели оный начнет движение в направлении Смоленска, принять меры к извещению штаба Армии о сем событии.

Дано в нашем лагере близ Смоленска августа 1го дня, 1812го года,
Багратион».

Земля была сухая, твердая как камень, и каждый шаг коня отдавался в ушах легким звоном. Этот год нашествия вообще был странным по погоде: казалось, летняя природа сама противилась людям, желающим забрать у нее больше хлеба для крестьян, чем давала всегда, больше трав для лошадей, чем она взрастила. И вместо этого сама забирала кровь и пот у сотен тысяч вооруженных людей, тяжело бредущих на восток от Вильно к Москве, и упорно избегающих прямого боевого столкновения. А он скакал от Смоленска к Красному, туда, где стояла в наблюдении за неприятелем 27-я дивизия, с важнейшим донесением, зная наперед, что это его самый последний вояж. И его каурый как будто тоже это знал, прядя ушами, останавливался, постоянно взбрыкивал, словно отказывался идти дальше. Адъютант князя Багратиона, поручик Берестов, спеша, постоянно представлял себе то, что сейчас происходило впереди, в конечной точке его пути: Бонапарт, собрав всего за пару суток все разбросанные по Среднерусской возвышенности корпуса своей Великой Армии в мощный кулак, бросил их прямо на Смоленск по единственной разбитой дороге, на которой стояли совсем молодые, необстрелянные полки, вчерашние рекруты, никогда еще не нюхавшие порошу, и поэтому катастрофа русских армий казалась неизбежной. Но теперь он знал, что он, только он, может еще что-то спасти: ему-то сказали, что от него все зависит. И он сам напросился отвезти приказ, хотя князь вроде бы как берег его:

– Куда ты, душа, хочешь? Оставайся в лагере, тебе дело еще найдется, отправлю лучше Муратова к Неверовскому, а ты будь при мне пока, видишь, какие дела затеваются!

Как чувствовал Петр Иванович, что не увидит более своего лучшего и любимого адъютанта, к которому прикипел за эти грозные годы. Но Берестов настоял на своем на сей раз:

– Ваше высокопревосходительство, отправьте меня, я места эти знаю больно, найду там, где любой другой потеряется, а время дорого сейчас!

Багратион было запротестовал, но тут к нему попросился Барклаев адъютант граф Лайминг, и князь, углубившись в письмо от командующего Первой армией, просто махнул рукой, а Берестов взял со стола уже запечатанный сургучом маленький конверт.

Неразлучен он был с князем, по совпадению, почти с того самого момента, как почувствовал глас грядущего в первый раз, лежа в луже крови на ужасном поле, у подножия Праценских холмов, там, где втоптана была в грязь гордость русских, доселе непобедимых. С тех пор он так и вел он Берестова в постоянных битвах и походах Багратионовых полков.

⁶ Неверовский Дмитрий Петрович (1771-1813) – генерал-лейтенант, герой Отечественной войны 1812 года.

Дмитрий Петрович Неверовский, длинный как жердь и при этом слегка полноватый молодой генерал, сидел на траве рядом со своей палаткой и жевал травинку, одновременно пронзительно разглядывая разложенную рядом скомканную, а затем наспех расправленную карту окрестностей Смоленска. Он нервничал, он и так не понимал, зачем его необученную дивизию отделили от главной армии и отправили сюда. А теперь, когда к нему подвели Берестова, он занервничал еще сильнее. Прочитав текст донесения (поднеся при этом конверт почти к самому носу, ибо был слегка подслеповат), он яростно выплюнул травинку прямо на карту, а затем туда же швырнул, просто швырнул лист письма и поднял глаза на адъютанта.

– Вы это читали? – спросил он, казалось, упавшим, даже испуганным голосом.

– Никак нет, ваше превосходительство, но то, о чем там написано, уже не имеет значения. Сюда идут французы.

– Это я понял. И что мне прикажите делать, поручик? У меня тут семь тысяч вчерашних крестьян, стрелять только научились, строй держать умеют, но в настоящем бою не бывали еще. Надо бежать к Смоленску, на соединение с главной армией. Иначе Наполеон нас проглотит, даже не поперхнет.

Стоявшие рядом старшие офицеры закивали и зашептались. Только один из них, седой и высокий полковник со шрамом на щеке стоял отдельно, и недоверчиво покачивал головой.

Но тут поручик сделал шаг вперед, и, нагнувшись к Неверовскому, слегка шепнул ему что-то в самое ухо, отчего генерал вначале резко отпрянул назад, затем вскочил, отбросив случайно сапогом в сторону и карту, и лежавшую рядом фирменную австрийскую подзорную трубу с золотой инкрустацией, речь и поведение его вдруг резко переменились. Дмитрий Петрович будто бы опомнился, обернулся вокруг, смешно взмахнул руками, но затем кинул своим адъютантам четким и твердым голосом приказ:

– Бить тревогу, лагерь свернуть, полкам строиться немедленно!

И, взяв невысокого Берестова под руку, пошел с ним в свою палатку.

Внутри было почти пусто, только стоял небольшой походный столик с картами, бумагами и гусиным пером в чернильнице, да два наспех сколоченных табурета. В углу свернуто валялся серый походный плащ, на котором Неверовский имел обыкновение поживать. Он кивнул Берестову на табурет, сам присел рядом и, казалось, на мгновение погрузился в глубочайшую задумчивость, даже глаза прикрыл.

По лагерю грянул барабанный бой, затем все вокруг окунулось в гул от беготни тысяч ног. Трещали свертываемые палатки, лязгали штыки, шипели заливаемые костры, пять барабанщиков били тревогу, не прекращая. Под эту какофонию военных звуков генерал и адъютант повели неспешную спокойную беседу, тем не менее, постоянно приходилось говорить громко, дабы слышать друг друга. Неверовский начал с мучившего его вопроса:

– Итак, поручик, вы из посланников, и пришли ко мне. Я следующий, стало быть?

– Нет, генерал, не вы. Следующий – это другой человек, и мое послание для него. Но судьба России сейчас от вас всецело зависит. А я здесь, ибо мое время пришло.

– Значит, среди неприятельских войск есть кто-то, такой же человек, как и вы?

– Да, есть, но и его время еще не пришло. Мы с ним встретимся здесь. Сегодня.

– Багратион пишет, чтобы только наблюдали неприятеля.

– Поздно. Если мы сейчас не дадим бой – Наполеон войдет в Смоленск раньше, и тогда обе наших армии, не соединившись, будут разбиты по частям. Если мы его здесь не задержим, Дмитрий Петрович!

Разговор прервался. Полог палатки распахнулся, и, пригнувшись, но, тем не менее, задевая ткань мохнатой папахой, внутрь буквально влетел запыхавшийся казацкий урядник с выпученными глазами. Еще не остановившись, он приложил и сразу убрал пальцы десницы от виска, отдавая честь, и выпалил почти нечленораздельно:

– Ваш... .. ство! Хранцуз...валят суда... Много!

Неверовский, а за ним Берестов и урядник, кинулись вон из палатки, бряцая железом от сабель и шпор. Генерал одобритительно окинул взглядом уже стоявший перед ним навтыяжку зелено-красный строй его полков, принял рапорт от дежурного майора, пожал ему руку, затем поднял валявшуюся в траве трубу, отер ее обшлагом мундира и устоялся на юго-запад, туда, где в низине лежал еще сонный, тихий и беззащитный городишко Красный. А затем чуть дальше и выше, на холмы, очертания которых, казалось, слегка подрагивали в утренней дымке. Но эта дрожь была не туманом, не паром от земли, и даже не костровым дымом – то двигались, приближаясь, тысячи людей и лошадей, неся погибель всем, кто встанет на их пути. Еще неясные на дистанции более трех верст, очертания войск стремительно приближались, разворачиваясь, как гигантские пальцы, из походных колонн в боевые шеренги, под легкий, но уже слышный гул земли от топота десятков тысяч ног и приглушенное конское ржанье.

Глава 4

2019 г., Дмитрий Лозинский

Он все сидел в своей квартирке, в девятиэтажке, стоящей на засыпанном грязно-коричневым веществом, в которое превратился выпавший пару недель назад снег, проспекте Керамиков в мутно-пыльном подмосковном Голицыно, и мучительно думал, как бы еще поэффектнее отомстить этому миру. Его обрاملенное сединами, грубое лицо с рязанскими чертами уставшего от жизни, ничего не добившегося за 47 полных лет человека, выражало крайнее раздражение с ноткой легкого смущения, но игры мысли в нем особой в этот момент не чувствовалось.

Чайник на плите натужно загудел, и Дмитрий Лозинский поднялся, чтобы выключить конфорку: чаевничать он не собирался, просто звук отвлекал его от тяжелых размышлений. Он убил только три часа назад, и теперь прикидывал, правильно ли он все сделал, не осталось ли у того продавца какой либо зацепки на него, не записан ли где-нибудь его номер, не видел ли кто-нибудь его входившим или выходящим из той загаженной квартирке. Впрочем, скоро это будет неважно, совсем неважно. У него уже почти все готово.

Фамилия продавца, кажется, была Никитцов или Никитов, точно уже не припомнить. Материал он украл с завода в маленьком городишке, где он когда-то или подрабатывал, или просто халтурил пару месяцев. Он сразу тогда, еще при единственном их разговоре, впившись взглядом в Лозинского пропито и недоверчиво, спросил: «

– Ты из ИГИЛа⁷ что-ли, а иначе зачем эта штука тебе?

– Надо, значит! – ответил Дима, и положил перед ним толстую пачку банкнот по 5 тысяч. Глаза торговца округлились, и он протянул свои заgreбушие руки к пачке, но Лозинский его оттолкнул в сторону.

– Вот когда принесешь кобальтовый стержень, тогда и поговорим, нужен он мне, пищу дезинфицировать буду. Понял!

– Ну-ну-ну! – насмешливо протянул этот Серега в ответ. – По тебе просто видно, что все нужно, дезинфицировать!

И пошел в соседнюю, заставленную всем, чем только можно, комнату, затем вернулся оттуда, немного покопавшись в рухляди, таща перед собой длинный черный тубус.

– Вот, уважаемый! Как договаривались. Там свинцом все выложено, но ты бабки давай и уноси его скорее, фонит же он, боюсь, что-нибудь отвалится у меня, хе-хе-хе! – глуповато пошутил продавец. Но на Лозинского смотрел просяще, чуть ли не умоляюще, а глазенки его при этом вдруг нервно забегали.

Тубус открыли, боковая крышка была неестественно тяжелой, а внутри поблескивал торец металлической палки матового оттенка, и еще на крышке был желтый ярлык: «Со-60 Radioactive Material»⁸, и треугольный значок радиоактивности.

Лозинский закрыл футляр, нагнув крышку, и молча, ни говоря не слова, протянул продавцу деньги. Серега, чуть отвернувшись, торопливо начал их пересчитывать. Жизни ему уже не осталось: Лозинский, расстегнув чехол у пояса, выхватил спрятанный широкий и короткий разбойничий нож-шип, и, пользуясь разницей в росте, ткнул его продавцу в горло сверху с правой стороны, одновременно охватив ему шею другой рукой. Тот даже не выронил деньги, но

⁷ ИГИЛ – Исламское Государство, международная экстремистская террористическая организация, запрещена в Российской Федерации

⁸ Со-60 – наиболее долгоживущий из радиоактивных изотопов кобальта.

задергался, вначале попытавшись вырваться. Дмитрий молча держал его. Было тихо, умирающий не издал ни звука, только ногами топал. В глаза ему убийца боялся смотреть, просто ждал, когда тот молча сползет вниз, после чего ухмыльнулся. Кровью он не запачкался вовсе, даже капли не попало. Нож вынимать не стал, вытер его рукоять носовым платком, забрал деньги и стержень, открыл форточку в маленькой комнатке, где оставил тело, и, закрыв на ключ дверь, вышел из квартиры, предварительно убедившись, что никого на лестничной клетке нет.

В этом райончике Москвы было также грязно и мрачно, как в его Голицыно, людей на улице почти не видно. Садясь в свой белый «Фольксваген-Тигуан», Лозинский подумал, что даже если труп продавца найдут через два-три дня, то будет все равно поздно. Он все сделает раньше. Он уже готов!

Глава 5

1943 г., Евгений Соболев

Соболев не помнил ничего: ни как очнулся от резкой, пронизывающей и ломящей все тело боли, ни как, шатаясь и еле работая здоровой рукой, вылез из лежавших на боку смятых остатков кабины, ни как потом, с трудом скинув с себя парашют, куртку и шлем, стояя и трясясь, пополз куда-то по мягкой траве и мху, не осознавая ни направления, ни конечной цели. Лишь через час, когда боль чуть отпустила и туман в голове немного рассеялся, он понял, что не знает где он, где его упавший самолет и как далеко он отполз. Рядом была небольшая березка, ухватившись за нее правой рукой он слегка подтянулся, повернулся и сел.

Левая рука не работала, а висела как плеть, и, только коснувшись ее правой, Женька вскрикнул от боли. С ногами было еще хуже: они обе болели постоянно, будучи сильно зажаты искореженным металлом при падении. Около левого глаза был глубокий, до самого уха почти, порез от разбитого стекла пилотских очков, из которого сочилась кровь. Голова гудела, на лбу тоже была шишка. Евгения мутило и знобило, он сознавал, что уцелел просто непонятно как. Мысль работала ясно, но что делать теперь, он не знал. Вдалеке слышалась приглушенная канонада, пару раз прямо над ним почти на бреющем полете что-то пролетало, но даже поднять голову и посмотреть, чьи это самолеты и куда летят, Женька не мог. В остальном в лесу стояла звенящая тишь, как будто нет войны и можно, вспомнив детство, бежать вместе с любимой тетей Нюрой за красной наливной земляникой или маленькими, крепкими, кривыми, еще не тронутыми червяками подберезовиками.

– Ладно, – отрывисто подумал Соболев. – Надо вправить руку и ползти к своим.

Иллюзий у него не было, он по-любому за линией фронта, если немцы найдут его, то непременно расстреляют. Но куда ползти? Направление он не помнил, компас остался в разбитом самолете, даже если он выползет из леса, то только на равнину, а там идет бой. До наших не добраться, наверное. Куда тогда?

Вправить руку. Болит жутко, но если не сделать сейчас, будет только хуже. Работая правой рукой, он аккуратно уложил левую в рогатину между двух маленьких осинок, и, зажмурившись, дернул. Боль пронзила мозг и опустилась вниз по всему телу, но рывок был слабый, и рука не ощущалась. Закусивши губу до крови, напрягая все мышцы, он дернул еще раз, и вот теперь почувствовался легкий хруст. Он аккуратно пошевелил пальцами. Двигались, по руке пошло тепло, но боль была такой, что он свалился рядом с этими осинами на сухую, мягкую траву и минут пять восстанавливал дыхание. Затем встал и медленно, волоча разбитые ноги, побрел, шатаясь, в ту сторону, где, как ему казалось, слышалась канонада.

А всего в семистах-восьмистах метрах от него, в том же лесу, шеренга из десятка людей в немецкой полевой ферме и нескольких полицаев, растянувшись, быстро двигалась в его сторону, раздвигая сапогами густые заросли кустов. Искали сбитого и пропавшего русского летчика. По всем немецким тыловым службам за линией фронта непрерывно трезвонили телефоны и стучали телеграфные аппараты, сообщая о внезапной и незапланированной остановке только набравшего ход наступления, случившейся всего два часа назад. Еще бы! Резервная танковая колонна, на подход которой так рассчитывали командиры двух дивизий прорыва, была почти полностью уничтожена на марше всего с одного русского самолета! Одного! Тут же снятого зениткой. Дьявол бы побрал этих опоздавших зенитчиков, все равно уже ничего не поменять на сегодня! Войска на направлении главного удара остановлены и окапываются, график наступления сорван, пора докладывать командованию о результатах дня, а их нет! Прошли всего 2 километра и встали, увязнув в русской обороне! Танки подбиты, пехота лежит

под очередями не смея приподнять каску, и нет обещанного резерва! Авиация русских продолжают утюжить подходящие к линии фронта войска, имеется превосходство противника на земле и в воздухе! Oberst-лейтенант Курт Йорих сдвинул с запотевшего лба фуражку, вздохнул и обернулся к идущим позади него солдатам, коротко спросив:

– Ничего?

В ответ все молчали, насупившись, и, как Курт чувствовал, в душе чертыхаясь на него. Они уже более часа обыскивали березы, ели и кусты орешника вокруг сбитого русского штурмовика, ломаясь по всему лесу и дергаясь на каждый шорох рядом. Командование приказало ему найти этого чертова лётчика, не дав эсэсовцев и собак, а только отделение снабженцев из 110-го батальона и пятерых полицаев из местной деревни, во главе с этой странной женщиной по фамилии Киртичук, которая, вроде бы, была над ними главная...

Глава 6

1812 г., Алексей Берестов

Бой шел уже третий час, но уже давно закончились пушечные разговоры с обеих сторон, а батальоны русских неторопливо, но непрерывно, отходили под ружейным огнем. Все орудия были потеряны, Красный остался далеко позади, дивизия генерала Ледрю упорно наседала на оцетинившиеся штыками, как огромные ежи, нестройные каре Неверовского. Повсюду носились свои казаки, но их сумбурные действия не вносили никаких новых нот в симфонию боя, зато французские полки подходили и откатывались назад, сменяя друг друга подобно волнам на озере в солнечный, но ветренный день. Русские держались, каре стояли и не рассыпались, хотя людей теряли десятками, оставляя на дороге свалившихся убитых и отводя назад пораженных, разорванных пулями и картечью. Дмитрий Неверовский и Алексей Берестов находились рядом, в середине первого каре, наблюдая очередную атаку. Они молчали, делая свою работу, лишь генерал время от времени подбадривал своих воинов:

– Ребята! – говорил он. – Вы все знаете, как держать каре, я здесь с вами, держитесь и ничего не бойтесь.

Берестов с одобрителем восхищением смотрел как на него, так и на действия его солдат: спокойно, не суетясь, задние ряды заряжали и передавали ружья вперед, каждый новый залп, казалось, останавливал атаку неприятеля, но совсем ненадолго. Французы упрямо шли на них, останавливались, смыкали ряды и шли снова, и, подобно движению гвоздя под ударами молота, вклинивались в русские позиции. Уже несколько раз гренадеры сходились врукопашную, штыки лязгали, поднимались и опускались, обгаренные лучами солнца и следами свежей крови.

Делать Берестову пока было нечего: вроде все шло так, как надо, глас он более не слышал, и это сейчас занимало его даже сильнее, чем кипящее вокруг сражение. Он все уже рассчитал и знал, что нужно всего полдня, чтобы две разрозненные русские армии вернулись в Смоленск и соединились, не дав Бонапарту разбить себя поодиночке. Пока все складывалось так, будто упорное сопротивление и медленный ход Неверовского под огнем давали это время. Давали кому: ему, Берестову, лично, или же Багратиону с Барклаем как командующим армиями, или Отечеству вообще – все это уже было не так важно. Главное, что каре 27-й дивизии пока колебались, но держались, хотя отбитых атак сегодня было уже... сколько? Семь? Девять? Четырнадцать?

– Вот же странно, – подумал было он. – Что было только – он еле-еле помнит, а что семь лет назад – до сих пор стоит перед глазами, как вечная, затянувшая их пелена.

Он каждый раз, как будто вновь и вновь, приходит в себя на этом затянутом душливой пороховой дымкой склоне, среди мертвых, умирающих, стонущих, покрытых кровью и грязью тел. Вот высоченный гренадер, одной рукой охватив ружье, другую тянется к нему, неподвижно, и в застывших открытых глазах даже нет страдания, только легкое удивление: ну как же так? Живот гренадера разворочен картечью, он лежит напротив, но кажется, будто он ползет вперед в стремительную последнюю атаку. Сам Берестов тоже тянется к нему – его ноги придавлены крупом, а белоснежный мундир почти весь забрызган теплой кровью убитого коня. Всего час назад Бонапарт решил судьбу Аустерлица⁹ и всей войны одним простым движением военного гения, бросив на слабый русский центр у высот возле деревеньки Працен

⁹ Аустерлиц – решающее сражение войск Наполеона против коалиции России и Австрии (третья коалиция), произошло 2 декабря 1805 г., завершилось решительной победой французов.

свои отборные корпуса. Берестов медленно приподнимается на локтях, вдали отчетливо звучит гром орудий, ружейный треск и гортанные крики – там французы добивают разрозненных союзников по частям, под тусклый свет уже начавшего закат зимнего солнца.

– Как же так? – думает и он, будто соглашаясь с лежащими рядом в изумлении мертвецами. – Только что мы шли в атаку, безнадежно, желая лишь продать жизнь за последнюю честь армии, а теперь лежим, неподвижно, и жизнь угасает в остекленевших глазах, как лучи садящегося где-то рядом светила.

Берестов почти теряет сознание от холода, боли и усталости, соглашаясь умереть здесь вместе со всеми, но тут странный далекий голос будто толкает его в затылок, приказывая ему встать и идти куда-то. Он долго, пошатываясь, перешагивая сквозь тела, поднимается обратно на холм и затем спускается вниз к небольшой речушке, туда, где остатки полка графа Каменского–Второго, отступая, с трудом сдерживают наседающих на них гренадеров дивизии Удино....

Глава 7

2019 г., Максим Шмелев

Итак, наконец-то мне все объяснили. Как обычно, это пришло в сознание ночью, ярко и настолько убедительно, я буквально взвился со своего пустого дивана, как будто бы стремясь вырваться из сна и желая действовать немедленно. Одновременно возникло понимание, что они делают и кем могут быть. Речь шла о судьбе страны, ни много ни мало. Кто бы мог подумать, что это за чушь, бред, разрыв замутненного сознания? Якобы в ближайшее время – но непонятно, когда, где-то здесь – а где именно, неясно, но точно в Москве, случится что-то грандиозное и ужасное – но что именно, неизвестно, и это повлияет на жизни большого числа людей, сдвинет, развернет историю, навсегда изменит что-то. И все это без подробностей – только то самое, невероятное ощущение железобетонного, нависшего над головой грядущего. Ничего себе задачка!

Ясность была только одна: это мощный теракт, крупная авиакатастрофа, или еще какое-то жуткое и неожиданное стихийное бедствие вроде падения метеорита на большой и густонаселенный город. Но почему они хотят сейчас, чтобы этого не произошло? Что оно меняет? Если те, кто вызывает меня в ночи, разрывая каждый раз мой разум, просят меня что-то изменить, значит это не запланировано природой, господом Богом, течением стрелы времени. Значит, инициация этого события тоже идет не из нашего времени, кто-то могущественный и для них недостижимый тоже хочет, как и они, изменить прошлое ради своего настоящего, значит, где-то у нас в непостижимом механизме Вселенной случился сбой, как будто песчинка попала между шестеренками. И все пошло по-другому, неосвещенному сиянием временных струн пути.

А что же могу сделать я? Их вызовы неясны и нерегулярны, они не дают конкретного места и времени, не формулируют четко, что именно может случиться. Тогда, после нескольких первых сеансов с ними, а если точнее, после нескольких более-менее ясных предсказаний, на которых я потом заработал почти миллион, я вспомнил институтский курс физики и попробовал представить себе возможный принцип, на котором построено наше общение. Вышло, что мы разделены бесконечностью времени, возможно в десятки, сотни или даже тысячи лет, и поэтому связь, в том виде как она работает, может быть только через искривленное под действием сил гравитации пространство-время. Я не верил сам себе, когда я в первый раз вывел это для себя. Значит, это червоточины. Те самые, придуманные Хокингом и Торном¹⁰, поэксплуатированные в десятках фантастических книг и фильмов. По которым, кстати, нельзя переместить ничто материальное, ибо любой материал, помещенный туда, будет немедленно разорван и испепелен чудовищными приливными силами. Но мысль, сознание, биополе, в конечном счете, душа – она нематериальна. И только она сможет там пройти сквозь пространственно-временную воронку и найти цель для передачи информации.

Как-то в детстве я смотрел за работающими муравьями в лесу. И думал: вот они ползут, трудятся, что-то несут на себе, оберегают свой дом. И не знают, даже не могут себе вообразить, что в любой момент я могу поставить ногу и разорить их муравейник, разрушить, раздавить их сотнями сразу. И это полностью вне их понимания. Они не могут даже осознать в своем малюсеньком мирке, как быстро он может быть сокрушен одним моим движением. А я стою рядышком, вне их мира, но постоянно смотрю на него. И также сейчас кто-то со стороны смотрит на нас. Кто-то может также обрушить наш мир, но сделает это более тонко. Не раздавит

¹⁰ Стивен Хокинг (1942-2018) и Кип Торн (р.1940) – великие физики-теоретики, исследовавшие гравитацию и «черные дыры».

муравейник, а прикажет муравью проползти в другую сторону или принести другой груз. И тогда все изменится.

Итак, они посылают свой вызов через пространственный канал между двумя черными дырами. Одна у них, а другая каким-то образом создается у нас, возможно, где-то в глубинах наших мозговых клеток. Она диаметром в миллионы раз меньше атома, и ее сконцентрированная в одной точке гигантская масса не оказывает на нас влияние, настолько она ничтожна по сравнению например, с электроном. Но на уровне фемто-мира она рвет пространственно-временную ткань и тогда их мысленный приказ приходит ко мне, наверное, передаваясь через четыре измерения. Вот и все! Меня хватило на то чтобы прикинуть формулы, а далее любое понимание происходящего закончилось. Вызов был теперь нечеткий и неясный. Но он упорно приходил с одним и тем же несколько вечеров подряд, чего ранее не было никогда. И только, кажется, на пятый день, зафиксировав момент и глянув на время на экране АйФона, я, наконец, что-то понял.

Так, ну-ка, подумаем! – сказал я сам себе. – Я один, рядом никого уже давно никого нет. Семья распалась, любовница ушла, я сам по себе. Бывает, что одиночество иногда обостряет все чувства, червь уныния точит разум, иногда генерируя невероятное прозрение. И вот я уже весь такой умный, чтобы понять, что время 19:05:41 каждый раз – это неспроста. За все время контакта, они, отправляющие Вызов, еще никогда не посылали мне деталей, подробностей, точных цифр, имен, названий.

Выходило только одно: точное время каждый раз – это указание неких данных, вывод информации для моего понимания. Они передают их мне, руководствуясь общей логикой, которую я должен постигнуть. А что если это некое место или время, которое я могу определить? Итак, они вызывают меня каждый раз в 19:05:41 и далее я понимаю, что скоро должна случиться катастрофа. Здесь, в Москве. Городе, который пережил за свою почти тысячелетнюю историю итак слишком многое: нашествия, разрушения, разорения, пожары, обстрелы и бомбежки, взрывы и заложников, разрушение домов, и еще много-много всего. И сейчас его ждет что-то небывалое. Я должен это разгадать. Я должен это предотвратить. Я выбран невероятной, непостижимой силой или разумом. И, похоже, только я один.

Глава 8

1943 г., Евгений Соболев

Деревня как будто выросла перед глазами: казалось, только что был этот бесконечный лес, и вдруг стоит рядок покосившихся, каких-то тусклых хат с соломенными крышами, а между ними – пара черных танков с крестами и туда-сюда снуют фигуры в серых касках и шинелях. По крайней мере, так это воспринял Соболев, когда, наконец вышел на первую по пути поляну, а может это его полу-угасшее от боли и усталости сознание такими образами передало это в мозг, который и дал телу команду:

– Стой! Падай! – и Женька свалился прямо рядом со свежей коровьей лепехой от деревенского выпаса, а затем, ужом, стараясь не шевелить траву, пополз назад.

– Стой! – вновь пришла команда от неизвестного голоса. – Ползи направо! – он даже обрадовался ее появлению, хотя и слышал недавно, но, тем не менее, был готов выполнить любое его указание теперь, как будто хватался за соломинку.

Ползти пришлось всего-то каких-то 20 метров: на краю поляны, утопая в траве почти наполовину, стоял кривой кирпичный остов небольшой церквушки, поросший изнутри мхом и небольшими деревцами. Остались только стены, половина крыши и скелет маковки высотой всего метров 10, как будто опиравшийся на две высокие березы. Евгений аккуратно дополз до ближайшего проема в стене, приподнялся, стараясь не смотреть в сторону деревни, и тяжело перелез внутрь постройки.

– Вроде бы не заметили, – подумал он спокойно, и вновь прислушался.

Было тихо, танки не гудели, пушечный гром вдали почти стих, только немцы рядом в деревне неразборчиво переговаривались.

– Теперь в тот угол и вниз! – вновь голос давал не терпящий возражения приказ.

Евгений, пошатываясь и спотыкаясь о камни, подошел к указанному месту. Там, среди обломков кирпичей, у корней пробившейся через разрушенный фундамент к небу изогнутой осинки, что-то чернело.

– Когда-то здесь был алтарь и стояла стена с чудотворными образами, – подумал он, вспомнив опять тетю, которая, иногда тайком, в воскресный вечер, водила его в такую же маленькую, черную, но каким-то чудом еще действовавшую, церковку в родном селе на Урале.

Теперь ничего здесь не было, но, нагнувшись, он нащупал ржавую бурую ручку и с трудом поднял дверь небольшого люка, ведущую в подпол. Пахнуло сырым гнильем, он обернулся, боясь, что легкий скрежет от дверцы мог привлечь внимание немцев, ходивших по деревне, но было тихо. Уже вечерело, он чувствовал страх, усталость, боль и голод, но больше идти было некуда, и, как будто по неведомо от кого полученному приглашению, он нащупал ногой земляные ступени, с трудом сделал несколько шагов вниз. Нагнувшись вперед, Евгений оказался в землянке размером метр на метр примерно, пустой, влажной и холодной. Через минуту его глаза привыкли к тусклому, идущему сверху от лаза свету от низкого, садящегося за деревьями солнца, и он смутно различил небольшой предмет, стоящий почти посередине. Это был небольшой деревянный ящик, даже, скорее, коробка, слегка присыпанная сырой землей. Он потянул ее на себя, и, прижимая к телу здоровой рукой, осторожно поднялся наверх, снова осмотрелся и прислушался. Все также, но на сей раз он ясно услышал канонаду, как ему показалось, ближе, чем раньше, и легкий, но нарастающий гул в небе.

Теперь коробка занимала его внимание. Она была явно очень старой, сколотой из тонких досок, уже немного гнилых и совсем грязных, из которых торчали ржавые и толстые гвозди. Соболев достал свой «ТТ» и аккуратно, рукоятью, подцепил крышку. Коробка развалилась,

обнажив два засыпанных землей холщовых мешочка, стянутых грубой шнуровкой. Он взялся за один из них, больший по размеру и более тяжелый, и растянул узел. Удивительно, но там были два небольших куска твердого вещества грязно-янтарного цвета, которые он узнал сразу. Его дед держал пасеку и часто приносил внучку севший мед, затвердевший, но сохранивший тогда вкус и аромат. Есть хотелось так, что он схватил меньший из кусков и засунул в рот почти целиком. Разжевать не получилось, но ароматный вкус ударил в голову, на секунду стало очень хорошо, и Женя, медленно перекатывая языком начинающий растворяться сгусток, обратил внимание на второй мешочек. Он был совсем небольшим, и, развязав его, он достал лишь небольшой, грязно-белый сложенный четверо лист бумаги с коричнево-бурыми, витиеватыми, крупными строками. В лесу темнело, а зажигалку Соболев потерял при падении своего ИЛа. Но, повернув лист к свету закатного солнца, еще пробивающемся сквозь листву, он начал, с трудом разбирая в темноте и читая непонятные слова, понимать их смысл. Текст был явно старый, с размашистыми завитками заглавных букв и со знаками «ять». Примерно через минуту стало ясно, что кто-то неизвестный обращается непосредственно к нему, Евгению Соболеву, ничего про него не зная, но, тем не менее, как будто стоит сейчас рядом с ним, как будто повторяет написанный им странный текст:

«Я пишу тебе эти строки, ибо Глас Грядущего попросил об меня этом. Я знаю, что ты сейчас болен, устал, ранен, страшишься и потерял надежду. Ибо не знаешь ты, что происходит, что ты видишь и что ты слышишь. Но само письмо сие есть свидетельство высшей мудрости. Мне сказали написать его для тебя, но не ведомо мне, когда ты его откроешь, через год, десятилетие или век. Я оставляю тебе свежий мед, чтобы ты мог подкрепить тело, и эту бумагу, прочитав которую ты подкрепишь дух свой. Посему знай: то, что ты слышишь есть знак тебе и высшая благодать божия. Повинуйся этому Гласу всецело, ибо сие значит, что ты избран менять и творить историю. И в самый мрачный час, услышав сей Глас, выполни что велит он, ибо все это ты сделаешь во имя отчизны и во благо ее. А когда придет твой черед встать пред лицом Господа, ты это тоже знать будешь. Верь, ибо грядущее грядет.

Адъютант штаба 2-ой Армии, поручик Алексей Берестов, июня 7го дня, 1812 год».

– Хэндэ! – резкий и громкий приказ за спиной вывел Евгений из секундного оцепенения и осознания написанного.

– Все, вот и конец, – подумал он, и не выпуская это дурацкое, только что заставившее его потерять всякую бдительность и, вероятно, приведшее его к гибели письмо, он обреченно повернулся. Два немца стояли уступом, один позади другого, всего метрах в пяти, наставив на него свои винтовки. Казалось, они были не меньше него изумлены тем, как просто и глупо им попался этот русский.

– Хэнде хох! – повторил первый из них и повелительно качнул стволом. Евгений медленно начал поднимать руки, но тут резко грянул в голове тот же голос, почти крикнув ему лишь одно слово:

– Ложись!

Спустя секунду в уши врезался мгновенно нарастающий знакомый гул от пикирующего где-то совсем рядом штурмовика, и, когда он начал падать на землю, заваливаясь вправо, все вокруг зазвенело от свистящего ракетного снаряда, и, показалось, что совсем рядом пространство буквально раскололось от взрыва. В глаза и лицо полетели комья, щепки, какие-то ошметки, а затем сознание отключилось. Но спустя лишь минуту Соболев пришел в себя и тяжело поднялся, отряхиваясь и откашливаясь, и смог быстро оглядеться. Там где только что стояли эти два немецких солдата, теперь дымилась воронка от промазавшего по деревне ракетного снаряда, но чуть дальше уже было зарево – горели два деревенских дома, и гитлеровцы металась посреди огня, уже не обращая на Женю никакого внимания. А того письма в руке у него не было....

Глава 9

1812 г., Алексей Берестов

– Отошли, отошли, братцы! – вырвал Берестова из оцепенения памяти веселый возглас кого-то из солдат передних рядов. Он вновь был на лугу возле дороги, сидел на своем кауром жеребце посреди сомкнутого каре, посреди пальбы, дыма и криков. Атака французов откатывалась назад по всей линии, очередная, но не последняя.

– А вот сейчас пойдут опять! – мелькнуло у него в голове.

Неверовский, бывший со своей небольшой свитой чуть позади, тронул коленями коня и подъехал к нему. Его лицо, слегка простоватое и спокойное, в пылу сражения, казалось, горело как костер.

– Удержали вновь, поручик! – тихо сказал генерал. И, обернувшись вперед, громко прокричал своим солдатам:

– Молодцы, ребята, так держать строй!

– Рады стараться...ваш...пре...ство! – отвечал нестройный, но дружный хор голосов. Каре стояло теперь неподвижно, пользуясь передышкой. От Красного прошли не более двух верст, но каждая сажень этого расстояния, наверное, уже стоила нескольких жизней. Рядом относили в тыл раненых, пронесли всего исколотого но бранно и весело ругающегося того полковника со шрамом, героически державшего первые ряды каре под огнем. Неверовский, качаясь в седле, посмотрел в подзорную трубу на позиции французов, а затем беспомощно опустил ее, словно весившую теперь несколько пудов. Он ждал момента, когда Мюрат¹¹ начнет наконец разворачивать для атаки свою отборную кавалерию, ждал с яснейшим пониманием, что это сейчас случится, и с едва теплившейся надеждой, что, может быть, этого не произойдет. Лучшая в Европе конница сейчас его сметет. Вдали строились эскадроны, слышались резкие гортанные крики людей и лошадиное ржанье. Берестов повернулся к генералу, теперь его лицо тоже пылало, он слегка трясся от предвкушения.

– Дмитрий Петрович, – сказал он, – мы выиграли армии три часа, а надобно нам еще столько же. Мюрат думает сильно удивить и испугать нас, но видит бог, мы русские, не убоимся же погибели в час, когда в наших руках судьба Отечества! Надо выстоять! – и крикнув солдатам каре расступиться, он выскакал вперед, остановившись в пяти саженях перед передней шеренгой. Там он слез с седла, выпустил уздечку из рук и опустился в слегка примятую солдатскими сапогами траву.

Наконец, раздался мерный гул от топота тысяч лошадей. Французы решили теперь сломить сопротивление непокорных русских таранным ударом своих отборных кавалерийских сил. Разъярённые, разгоряченные жарой и боем всадники на таких же разъярённых огромных конях понеслись лавиной на заколебавшийся от ужаса строй. Но Берестов уже почувствовал их смятение, их страх, их желание, еще вчерашних крестьян, ныне русских солдат, отвернуться и бежать прочь от этой надвигающейся на них смертоносной массы. И обернувшись, он рывкнул им изо всех сил своего голоса:

– Всем стоять!

А сам, вынувши из ножен саблю, вонзил ее перед собой в землю, и приготовился бить из двух заряженных пистолетов. Маленькая фигурка, неподвижно стоявшая впереди каре, удержала остальных. Инстинктивно, еще испытывая страх, но как будто заколдованная безрассуд-

¹¹ Иоахим Мюрат (1767-1815) – один из самых известных наполеоновских маршалов, король Неаполя, начальник всей французской кавалерии.

ным поступком офицера, первая шеренга вдруг шагнула вперед, и выставленные стальные штыки чуть ли не легли на плечи Берестова.

– А ну пригнись, ваш...бродь! – услышал он басистый рык за спиной, и чуть присев, прицелился в уже совсем близких, летящих на него гигантских французских кирасир. Вдали, там, куда указывали сейчас стволы его пистолетов, мелькнула синяя полоска неба, уже обрамленная аспидным оттенком приближающихся грозовых туч.

Его выстрелы одновременно с двух рук потонули в общем ружейном залпе, когда конница была всего в десяти сажнях. Громко закричали раненные лошади, кувыркаясь, покатались вперед передовые конники, смятенные свинцом. Берестов откинул бесполезные пистолеты, выхватил из под ног саблю, и буквально всадил ее в бок пролетавшему мимо кирасиру. Металл лязгнул о металл до искр, оружие вырвалось из рук, и в то же мгновение Берестова снесла громада другой летящей рядом лошади. Валясь вниз, он еле успел до крови закусить губу, чтобы не потерять теперь сознание. Вокруг летели щепы разбитых прикладов, черные куски сломанных палашей, кровавые ошметки отрубленных конечностей, кони ужасно ржали, вставая на дыбы, люди извергали стоны ужаса от боли и еще более ужасные проклятия на нескольких языках. Кошмарный, яростный рукопашный бой был везде вокруг! Вот упал, с лицом, рассеченным обоюдоострым палашом от уха до уха, тот уже седой, пожилой гренадер, всего пять секунд назад просивший Берестова пригнуться под его ружьем. Отлетела душа старого солдата, прошедшего пол-Европы походом еще со времен неистового Суворова и теперь вдохновившего молодых рекрутов стоять насмерть! Рядом лег его убийца, молодой, высокий и красивый черноволосый французский кавалерист, поднятый сразу на три русских штыка, но так и не выпустивший из уже мертвых рук свой покрытый кровью клинок. В траве перед русским строем, все еще сомкнутым, валялось несколько десятков тел, умирающих или корчащихся от тяжелых ран, а кони, потерявшие ездоков, разбегались кто куда. Волна вражеской тяжелой кавалерии вдруг схлынула назад, под крики и свист носившихся рядом в беспорядке казаков.

Алексей Берестов тяжело, как будто на каждую руку навесили свинцовые вериги, поднялся из мятой травы, еще не веря тому, что остался жив. Правая рука была рассечена от предплечья до локтя и весела как плеть, жутко болел бок там, куда врезался и отбросил его убитый чернявый кирасир, его мутило, мысли никак не могли прийти в порядок. Он посмотрел на каре, стоявшее всего в трех аршинах от него и казавшееся ему как будто окутанным молочным, рваным туманом. Там каждый занимался своим делом: рядом усатый старослужащий медленно курил, что-то тихо объясняя чистящему ружье молодому рекруту, еще один солдат быстро-быстро перевязывал окровавленную кисть руки (кажется, на ней не было пары пальцев), другой, опираясь на ружье, просто удивленно и молча глазел на Берестова.

Вдруг всплыло еще одно воспоминанье, странно, эти картины возникали в голове гораздо яснее чем реальность вокруг... Пять лет назад, большое поле у прусского городишки Эйлау¹², валяющийся комьями ослепительный снег, бьющий в глаза и французским, и русским полкам, черные тучи низко-низко у земли, превратившие короткий зимний морозный день в мрачные кровавые сумерки. Кровь, пальба и крики везде вокруг, как сейчас. Огромное пространство, куда ни кинь взгляд, покрыто алыми и черными пятнами, затянуто дымом от орудий, заполнено воем картечи, ржаньем лошадей, стонами и проклятиями. Еще утром целый корпус неприятеля, наступавший в центре на русские позиции, сбился с пути в неожиданно упавшем с неба снежном буране, вышел прямо на главную нашу батарею и был полностью истреблен огнем практически в упор. Берестов видел это жуткую и одновременно величественную мясорубку, скача вдоль фронта с донесением от князя к командующему барону Беннигсену. Его лошадь

¹² Эйлау (или Прейсиш-Эйлау) – ныне Багратионовск Калининградской области, город в Восточной Пруссии, возле которого 7-8 февраля 1807 года произошло кровопролитное сражение между русскими и французскими войсками. Итог сражения остался неопределенным, с обеих сторон было убито и ранено около 50 тыс. человек.

время от времени проваливалась в снег, хлопья, летящие со всех сторон, слепили глаза, лезли в уши и рот, любое движение давалось с трудом, скованное студеным ветром. В таких ужасных условиях генералы посылали своих адъютантов одного за другим, ибо потеря любого важного сообщения или приказа, могла означать судьбу всей баталии. Вот Берестов видит вновь, как и сейчас, несущуюся на русских массу мюратовой конницы, страшную колонну из пестро раскрашенных драгун и кирасир, сносящую все на своем пути, тысячи всадников врезаются в наш центр, и рвут на части полки только что наступавших вперед русских гренадеров. Они проскакивают мимо него, не обращая внимания, ведь что им одинокий русский, их цель – сомкнутые ряды пехоты, уже готовой все смять, растоптать, уничтожить и прорваться прямо к ставке их императора. Две волны сшибаются – и среди бескрайнего снежного поля, лишь кое-где разбавленного редкими холмами и полуразбитыми построиками, начинается кровавая схватка. Берестов смотрит на этот ужасающе прекрасный бой со стороны, осадив своего коня, и инстинктивно откинув голову назад: только что он услышал Глас. И вот уже все, что происходит в центре, становится неважным – тем более, что кавалерия врага начинает медленно, но верно, откатываться назад, оставляя алый след из валяющихся на снегу убитых всадников и покалеченных лошадей.

Он скачет в обход, к стоящей на пригорке, наполовину уже засыпанной снегом конной батарее из десяти пушек, возле которой распорядится еще совсем юный, явно моложе Берестова, невысокий и черноволосый генерал с лирично-серьезными карими глазами, в легком лисьем полушубке, небрежно накинутом на плечи поверх золотых эполет. Это артиллерийский начальник граф Александр Кутайсов¹³, и адъютант будто бы знает его, но непонятно откуда, ибо раньше они не встречались вовсе.

– Ваше сиятельство! – обращается к нему Берестов, стараясь перекричать шум идущего рядом боя. – Князь Багратион просит немедленно укрепить его позиции вверенной вам артиллерией!

Кутайсов оборачивается к нему, и, смотря как бы свысока, с раздраженным удивлением спрашивает:

– Неужто князь не видит, что эти пушки нужны нам в центре? Левый наш фланг не под ударом, что за глупости?

Мимо со свистом пролетает ядро, врезаюсь в живую плоть где-то за спиной юного генерала, раздаются крики кого-то из адъютантов, но Кутайсов даже не реагирует на это, настолько сильно его возмущение этой ситуацией. И тут Берестов, собравшись с духом, делает шаг и чуть ли не в лицо выпаливает ему:

– Граф, грядущее грядет!

Генерал, слегка отпрянув, моргает, затем секунд пять очень пристально смотрит на Берестова. В людей позади врезаются еще одно ядро, разворачивает и бьет в щепу лафет одного из орудий, отскакивая, рикошетом задевает двух канониров, которых тут же поднимают и уносят. Кутайсов медленно снимает левую белоснежную перчатку, рвет с одного из пальцев большое серебрянное кольцо с красноватым камнем, и протягивает его Берестову.

– Слушайте, подпоручик! – говорит он. – Если когда еще вам доведется передавать мне через кого-либо такое донесение, – он особо подчеркивает, выделяет интонацией слово «такое», – То приложите к нему этот перстень, и я буду знать!

Затем он поворачивается к горстке своих оставшихся офицеров, попрятавшихся от огня за лафеты пушек.

– Сдается мне, господа, что Бонапарт хочет нас обмануть сегодня! Сейчас он всей силой навалится на левый фланг наш, снимайте пушки, едем туда!

¹³ Кутайсов Александр Иванович (1784-1812) – генерал-майор, герой Отечественной войны 1812 года, начальник русской артиллерии. Убит в Бородинском сражении на батарее Раевского, его тело не было найдено.

И, обратившись лично к своему адъютанту, высокому курляндскому поручику с смешными усами примерно его возраста, громко, стараясь перекричать вой сражения, добавляет:

– Иван Карлович, неситесь на правый фланг к Ермолу! Пушай со своими пушками немедля скачет к нам налево, быстрее, быстрее!

Он хлестает нагайкой уже растворяющийся в снежной пелене круп коня мчащегося в огонь своего адъютанта. Еще одно ядро взрывает снег позади него, но это уже не интересно ни ему, ни Берестову. Все вместе начинают быстрое движение в сторону далекого черного дыма от селения Серпален, туда, где на левое крыло русских собирается налететь только что подошедший к Эйлау свежий корпус маршала Даву. Они оба, и Берестов, и Кутайсов, уже знают, что судьба битвы теперь зависит от их быстрых и слаженных действий, ибо таинственный Глас сказал им это....

Резкая боль в руке вернула Берестова к реальности. Он повернул голову: позади по-прежнему стоял развернутый строй русского каре. Шеренга расступилась, и Неверовский, казавшийся еще выше на своем боевом коньке, подъехал к поручику.

– Вот спасибо, голубчик! – просто и устало сказал он. И Берестов почувствовал себя так радостно и счастливо, как, казалось, никогда в жизни, а ведь знал он, что жизни этой оставалось совсем чуть-чуть.

Вдали вновь разворачивались для атаки французские полки. Строилась пехота в темно-синих, выделяющихся на фоне окрестных лугов мундирах, а по флангам, уступами, пристраивались ровные ряды кавалерийских эскадронов. Во фронт выкатывали артиллерийские батареи, были даже слышны отрывистые, резкие, гортанные, как карканье ворон, приказы командиров. Все остальное вокруг, казалось, смолкло. Дмитрий Петрович, привстав в седле всего в аршине от Берестова, смотрел в трубу на разворачивающегося к смертельной атаке неприятеля, и одновременно слушал доклады полковых командиров:

Худо, уже потеряли много народу, 22 офицера и около 300 нижних чинов уже выбито огнем, посечено саблями, раздавлено бешено мчавшимися конями! Молодцеватый майор из свиты Неверовского закончил свой доклад общей, витавшей над всеми сейчас, мыслью:

– Ваше превосходительство, будь здесь сам Наполеон, он бы сразу взял нас в кольцо и раздавил в первой же атаке. А нынче, похоже, Мюрат это тоже сообразил сделать....

И вот вновь все молчат. Берестов уже начинает шататься от боли, кровь сочится по белым рукавам мундира, не переставая, голова кружится. Но глас по-прежнему звучит, кажется, как единственная нить, еще связывающая его с этим миром, не позволяющая терять сознание. Он вдруг поворачивается назад, и смотрит вдаль за спины солдат, туда, где дорога петляет и уходит вниз, спускаясь с очередного холма. Там начинается ярко зеленая полоса молодых дубков, которыми еще при Екатерине обсадили с двух сторон старый почтовый тракт. Он здоровой рукой берет Неверовского за рукав и указывает на это место, до которого остается почти полверсты. Генерал глядит туда через свою трубу, потом понимающе кивает.

Со стороны французов раздается мерный звук барабанов. Неверовский вздрагивает, и вновь устремляет взор вперед, ожидая начало атаки. Но Берестов смотрит туда спокойно. От неприятельских позиций отделяется одинокой всадник на белой лошади, в белом же офицерском мундире, он медленно приближается к русскому каре, гарцуя, размахивая над головой белым куском ткани.

– Послушайте, Дмитрий Петрович! – начинает Берестов, вначале с трудом, заплетающимся от боли языком, но потом все тверже, тверже, и, наконец, не терпящим возражений голосом, которым, кажется, можно резать сталь. – Этот ко мне. Хочет поговорить. Вернусь ли я, нет ли, то не ведомо. Я задержу его, сколько можно, нам будут предлагать просить капитуляции, выслушаю его условия, потяну время. А вы отступайте пока к тем дубам. Там надо встать насмерть, ибо далее им пройти нельзя к городу. Кавалерию их только там и можно сдерживать. Время мое, кажется, пришло. Вот это кольцо, – и он протягивает Неверовскому перстень

с красным камнем. -Передайте его при встрече его сиятельству графу Кутайсову, начальнику артиллерии Первой нашей армии. Он знает. Прощайте!

И, даже не слушая попыток Неверовского остановить, удержать, запретить, мягко высвобождает свою еще здоровую руку, которую генерал удерживает. Кивнув ему, он медленно, пешком, еле держась на ногах, оставляя за собой капающую кровь на травинках, бредет навстречу белому французскому всаднику, стараясь только держать осанку ровно, отдаляясь все дальше и дальше от отходящего по дороге к деревьям русского каре.

Глава 10

2019 г., Максим Шмелев

Несмотря на конец апреля, в моем городе падает снег. Вначале изумительно прекрасный, ослепительно сверкающий, он сплошным ковром накрывает унылые дома, ползущие по дорогам машины, вечно спешащих куда-то людей. То, что в Америке называют снежной бурей и объявляют национальным бедствием, в Москве – обычный снегопад, коих бывает по десять-пятнадцать штук каждый год.

Но очень скоро этот снег станет грязно-коричневым месивом, наполненным и окрашенным автомобильными выхлопами, мусором, разбрасываемыми коммунальщиками въедливыми реагентами, собачьими экскрементами, и прочими отходами человека, нещадно выкидываемыми на все дороги и во все дворы. Москва, если глянуть на нее с птичьего полета, станет тем же скоплением унылых серых строений, между которыми врезаны бесконечные чёрные реки и ручейки городских коммуникаций. И даже скорое наступление любимых весенних праздников не отведит от мыслей, что я живу в самом загаженном городе земли, при этом ещё и плачу за это больше, и качество жизни здесь хуже, чем где-либо в Европе.

А страх приходит вместе с кружащимися в потоках фонарей снежными хлопьями: я знаю о грядущей катастрофе, до неё осталось очень немного времени, и у меня по-прежнему нет ни намёка, ни идеи о том, что и где это может быть.

Я понимаю, что их канал связи работает нестабильно из-за наличия рядом огромных масс металла: зданий, мостов, подъёмных кранов, тех же автомобилей, в конце концов. Поэтому даже те скудные данные, что я смог получить, в нынешних условиях – просто удача! Наверное, в старые времена, когда не было больших городов, дома строились из дерева и люди были не обременены нынешними проблемами, послания передавались им более точно, четко, да и принимало их несравнимо больше контактеров – тех, кто мог слышать далекий голос из будущего и, следуя ему, пытаться изменить ход истории. А что же сейчас? Да, наверное, его слышу не только я. Может быть, кто-то ещё знает о том, что произойдёт и может даже пытаться это предотвратить. Ну, а может и наоборот: этот голос слышит тот, кто это все готовит и даже вдруг готовит именно поэтому. Я не знаю – и я ищу. Я должен сделать это даже не ради себя, а ради своих любимых детей, которых у меня отняли, увели после развода. Я должен их защитить, во что бы то ни стало.

Итак, что у меня есть? И что я знаю сейчас?

Скорее всего, это не что-то глобальное: наводнение, землетрясение, падение метеорита и прочая стихия, ибо человеку или группе людей, даже осведомленных, все равно не под силу это изменить и предотвратить.

Это что-то техногенного характера: взрыв, заражение, выброс, авария – то, что может сделать человек и что поразит сразу большую территорию и тысячи, десятки тысяч людей. И это произойдёт здесь, в Москве, или в ближнем Подмосковье, и так неожиданно, что никого не успеют, не смогут увезти, эвакуировать, спасти.

Наверное, это не теракт, ну или не теракт в классическом смысле слова, подготовленный некоей организацией – а иначе ФСБ и прочие сильно заботящиеся о стране службы уже бы давно его предотвратили, у них там точно есть те, кто слышат глас и следуют согласно его указаниям. Любая тайная организация привлекает к себе внимание сразу и не успеет, при эффективности нынешней государственной машины, предпринять какие-либо действия. Но это значит....

Это значит, что проконтролировать его обычными методами нельзя. Кто-то, либо одиночка, либо несколько человек, планируют что-то, ни будучи с кем-то связаны, не привлекая внимания. Их нельзя найти, отследить, обнаружить, в их действиях нет прямой корысти, у них нет заказчиков. Возможно он или они такие же, как и я – не реализовавшие себя, озлобленные на общество, в котором живут, не имеющие цели, не имеющие будущего. И поэтому они хотят все обрушить – им не за что держаться, им все равно. А я чуть ли не единственный, кто может попробовать понять их мотивы и остановить их, я такой же, как они, поэтому я услышал голос. Но где и как?

Ну да ладно. Если нет явных зацепок, то надо их искать. Открываю на АйФоне Интернет, нужны новости Яндекс, Гугл, «Москва-24», любых экстренных служб. Любые странные события за последнее время. Любые, пусть даже без привязки, без смысла. Что-нибудь, что будет бросаться в глаза, но не привлекать много стороннего внимания, что-то незначительное, не важное на первый взгляд. Ищу... Вот есть! Обычные сплетни и происшествия большого города, сопровождающие нашу жизнь на каждом шагу:

«Арестована преступная группа из нескольких бизнесменов и двух чиновников из префектуры ЦАО, подозреваемых в мошенничестве и коммерческом подкупе».

«В районе Грайворово стая бездомных собак напала и искусала двух прохожих, один из них скончался».

«На Кутузовском проспекте «мерседес» протаранил два автомобиля на встрече и сам загорелся, погибли водитель и пассажир».

«В квартире найден труп бывшего судьи, торговавшего техническими материалами на чёрном рынке».

«В подмосковной деревне пропали пятеро...»....

Стоп! Вот здесь интересно. Явное несоответствие, но вроде ничего особенного, из ряда вон выходящего. Тем не менее, бывший служитель Фемиды, чём-то торговал на чёрном рынке. Чем, зачем? Посмотрим-ка повнимательнее, сайт life.ru, открываем статью:

«В Южнопортовом районе, в съёмной квартире, найдено тело некоего гражданина Никитцова С.В., работавшего частным адвокатом. По заявлению экспертов, смерть наступила от ножевого ранения в шею около двух суток назад. В квартире также оперативниками был найден склад различного оборудования и материалов, в том числе радиоактивных.

Сообщается, что г-н Никитцов ранее несколько лет проработал в суде Московской области, но был уволен в связи с неподобающим поведением. Полиция ЮВАО проводит доследственную проверку, решается вопрос о возбуждении уголовного дела по статье «Убийство».

Вот возможно, этим стоит заняться, на безрыбье, более все равно ничего пока нет. Радиоактивные материалы! Ну вот зачем они понадобились бывшему судье из провинции, снимавшему хату в спальном районе! Открываю другие новостные сайты: на ту же тему больше ничего. Браузер Safari выводит одинокие пустые страницы, кроме Life никто не уделил внимание смерти маленького ненужного человека в огромном мегаполисе. Ввожу в строку поиска «судья Никитцов», так, ради интереса. Ничего особенного, был назначен и проработал пару лет в суде города Наро-Фоминска. Отдельное сообщение на пару строк, что Никитцов С.В. был в 2013 году уволен с должности судьи за неподобающее поведение. Наверное, за пьянство. Работа у них нервная, приговоры выносят, как им говорят, а не по справедливости, вот и бухают безбожно. Я, правда, недавно читал про одну судью, которую уволили с должности за то, что она ездила на автомобиле с нарушениями правил, получала штрафы, а потом, пользуясь своим положением, сама себе их отменяла. Даже для их закрытого судейского сообщества это чересчур, буча была на весь Интернет, когда вскрылось это! А тут дело совсем странное – похоже, что человек, потеряв должность, опустился и подторговывал чем-то незаконным. Что и кому он продал? Почему неведомая сила вдруг обратила мое внимание на этот случай? Возможно, кто-то из глубин Вселенной, из другого времени, подал мне сигнал. Значит, я дол-

жен с этим разобраться. Только бы хватило времени успеть. С даты новости прошла уже пара недель, и если там все серьезно, то может быть и изменить ничего нельзя! Но я попробую, сделаю все, что могу. Неужели это пришло только ко мне? Неужели все теперь зависит только от меня? Все оставить как есть... или, следуя голосу, попытаться все изменить? Будь проклят этот апрельский снег!

Глава 11

1943 г., Евгений Соболев

– Как называется твоя часть? – удар сапогом в лицо оглушил его, отбросил назад, на ту лавку, с которой его только что подняли двое дюжих крестьянских парней в немецкой форме, явно в жизни больше ничего не делавших ранее.

Соболев сплюнул кровью, помотал головой и приподнялся на разбитых локтях. Вокруг все гудело и кружилось, на несколько мгновений он перестал понимать, что происходит. Забыл, что всего три часа назад, под самый рассвет, когда он, наивный, заснул от усталости в разбитой воронке, полицаи все-таки нашли его. Нашли и, связанного по рукам и ногам, оттащили в ту самую деревушку, возле которой он так неожиданно оказался и где нашёл церковь со странным посланием, смысл и суть которого теперь казались ему каким-то далеким и бредовым сном. Особенно теперь, на фоне реальности, вонзающейся в его тело сотнями иголок боли.

Раньше, ещё утром, его допрашивал средних лет, щеголеватый и смотревший ему в глаза даже, казалось, с некоторой долей уважения, немецкий офицер.

Курт Йорих действительно воспринял этого немного странного русского летчика как почти равного себе. В чёрной, закопанной и закопчённой избенке, куда его привели для проведения допроса, в комнате с полом из кривых досок еле-еле горела масляная лампада, освещающая стол, два грубо сбитых табурета и небольшую раздолбанную, покрытую царапинами и трещинами деревянную скамью. Именно туда два деревенских полицая, из местных крестьян, кинули связанного невысокого и чумазого парня в окровавленной гимнастерке, со смятыми погонами лейтенанта Красной армии, как их узнал Курт.

– Развязать и посадить! – приказал он, с трудом выговаривая сложные русские слова, и от этого растягивая фразу, казалось, на пол-минуты.

Полицая переглянулись, затем посмотрели на стоявшую в углу и поэтому плохо освещённую, эту высокую и странную женщину с короткой стрижкой светлых волос и в удивительно подходящей ей гестаповской форме. Она властно кивнула и офицер, уловив мгновение ее резкого тяжелого взгляда, вдруг неожиданно для себя передернул плечами, как будто от пронизывающего холода. Русского развязали и заставили сесть. Йорих подвинул к нему со стола гранёный стакан воды, достал свои сигареты и протянул пачку.

Русский лёгчик молча, истерзанной грязной рукой с изломанными чёрными ногтями, взял стакан, отхлебнул из него и поставил на место. К сигаретной пачке он не притронулся, даже как-то брезгливо не обратил на неё внимания. Немец пристально посмотрел на него:

– Фамилия? Имя? Ранг? Номер полка? – проговорил он, также растягивая, но пытаясь чеканить, русские слова.

Соболев молчал, глядя как будто отрешенно и не воспринимая происходящее. Прошла минута в молчании, но она показалась всем почти часом.

– Я неправильно говорить? – спросил Йорих наконец, пытаясь поймать, проникнуть во взгляд русского. – Ты не понимать?

– Господин офицер, – неожиданно подала голос та женщина в углу. – Он не отвечает вообще. Я, мы... уже допрашивали его почти час, он только стонал, не сказал ничего..., он потому....

– Молчать! – резко, не оборачиваясь, крикнул Курт. – Я тебя не спрашивать, значит....

Полицайка замолкла и даже, как-то сразу, стала ниже ростом. Соболев спокойно смотрел, не двинувшись и не моргая, его взгляд был потухшим.

– Повторил! – ещё раз крикнул Курт. – Ты говорить?

Перед ним лежали найденные в самолете документы Евгения: его смятая и замызганная лётная книжка и старый летный планшет с полуобгоревшей картой. Йорих изучил это все уже давно и ничего не понял. То есть он вроде бы понял все, но не понимал как. Этот лётчик имел всего одну запись о боевом вылете, и это было почти полгода назад. Получалось, что молодой человек, почти не имевший боевого опыта, смог в один заход уничтожить мощную танковую колонну, сорвать планы целого фронта и при этом уцелеть. Как он вообще на неё вышел, все движение было секретным? Именно этих танков не хватило вчера для прорыва, а истребительный полк весь день охранял квадрат от атак русских «цементных». Ничто не говорило о том, что этот ИЛ летел на цель специально, не было задачи атаковать именно там и именно тогда. Значит это или случайность, или... Курт ещё немного подумал и решился:

– Лей...тенант Соболев, – выстрелил он вопросом, произнося с трудом русское звание и фамилию летчика. – Вы слышать голос? Голос в голове, команды... – уточнил он, пристально глядя в глаза допрашиваемому. Показалось на секунду, что в ответ у русского как бы проснулся интерес, он слегка наклонил голову в сторону немца, но затем опять принял прежнее равнодушное положение. Йорих кивнул.

– Я понятно! – сказал он, и, услышав из угла удивленный вздох этой русской стервы, увидев как недоуменно хлопают глазами эти два верзилы-полицая, слегка выдохнув, начал говорить монолог на родном немецком с шипяще-певучим баварским выговором, совершенно не заботясь, понимает ли его кто-нибудь ещё в этой трижды проклятой чужой вонючей избушке:

– Послушайте меня, русский летчик лейтенант Соболев, ведь вы все равно не знаете, о чем я говорю, и, по-видимому, указующий глас пришёл к вам недавно и смысл его вы не осознаете, равно как и то, к какому секрету мироздания вы сейчас прикоснулись. Вам приказали, ваш дьявольский самолёт вывели на нашу наступавшую на Ольховатку¹⁴ колонну, сорвали нашу операцию и тем самым, наверное, изменили всю историю. Вам может и неизвестно, что, когда и как происходит, ибо даже мне, уже дюжину лет изучавшему тайны Ананербе¹⁵, это неведомо до конца. Вы, возможно, думаете, что вы герой, что выполнили боевую задачу и вас должны наградить, но в плену вы уже не станете таким героем, а если вернётесь, вас посадят в ваш же советский лагерь. Вы это знаете, я это знаю, но это все равно. Теперь вы молчите, хорошо же! Пусть они сказали вам молчать! Это неведомые, но могущественные силы, они заставили Германию начать большую войну, теперь они же хотят, чтобы мы её проиграли. Они привели наш доблестный вермахт здесь к Москве, Сталинграду и Ленинграду, и они же сделали так, чтобы нас отбросили обратно. Что же, ладно, если они так хотят, но мы не покоримся их воле, мы высшая раса, нам никто не может ничего диктовать! Пусть мы здесь завязли теперь надолго, мы ведь почти выиграли эту войну! Все время, все время нам что-то мешает, какая-то мелочь, случайность, вот как ваш чертов вчерашний налет, она не даёт нам сделать последнее усилие, последний штурм, разгромить вас окончательно, захватить нужное нам селение, город, область, страну, наконец! Это все они! Черт бы их побрал! И вот сейчас опять... они связались с вами, чтобы сорвать наши планы, не дать нам победить!

Он как будто осекся, затем прислушался, смотря в сторону от Евгения, затем повернулся к нему. Русский смотрел на него немигающим взглядом, пристально и заинтересованно, но не понимая ни слова. Эта Киртичук в углу как будто застыла, слушая его, скривила рот в какой-то уродливой усмешке, Курт не знал, понимает ли она по-немецки или нет, но ему уже было все равно: коротко и устало он приказал:

– Еще вопрос, завтра утро стрелять! Понимать? – он обратился к полицейке, она как-то мелко-мелко закивала. Йорих поднялся. Ноги как будто не слушались, он думал, что делает

¹⁴ Ольховатка – деревня, один из ключевых оборонительных советских пунктов во время сражения на северном фланге Курской дуги.

¹⁵ Ананербе, или «Наследие предков» – тайная оккультная организация в фашистской Германии, изучавшая таинственные явления для их использования в целях германской расы.

все неправильно, ведь этот чумазый измученный русский на самом деле близко прикоснулся к тому же, что и он. Но вместо того чтобы сказать что-то ещё он просто коротко кивнул Соболеву, и, отвернувшись, вышел из избы вон, на улице его ждал мотоцикл с веселым и вечно пьющим шнапс водителем-денщиком Вилли.

Все это было, кажется, сегодня днём, а утром и вечером его грубо и жестоко допрашивала эта полицайка со своими двумя подручными. Ему не дали поспать не минуты, с того момента как подняли его полусонного из той самой, сделанной нашим ИЛом, воронки от Эр-Эса рядом с полуразрушенной церковью и оттащили в избу. Эта баба, сверля его глазами, сразу сказала ему, даже не дав присесть или прислониться к стенке комнаты:

– Меня зовут Марина Дмитриевна Киртичук, я унтерштурмфюрер СС и староста этого района, я здесь самая главная. Я десять лет была судьей, со мной лучше сказать все сразу, иначе тебе будет очень плохо. Будешь ты отвечать, гнида? – и с этого момента Соболев не проронил ни слова.

Когда его били по лицу и по почкам, зажимали пальцы между скамьёй и стулом, загоняли ржавые гвозди под ногти на ногах, надевали на голову грязную мешковину и он два раза терял сознание от недостатка воздуха, все для него было уже как в тумане. Откуда-то издалека, из этих белых пыльных ключев пелены, приходили задаваемые визгливым криком вопросы:

– Где твоя часть? Какое у тебя было боевое задание? Это ты атаковал танки при Ольховатке? Женька падал, поднимался или его поднимали, вытирали ему кровь и пот с лица мокрой засаленной тряпкой, и все начиналось вновь.

Приход Йориха, несмотря на то, что Соболев так и не понял, зачем это все было, дал ему лишь небольшую передышку. Как только немец вышел из избы и тархтенье его мотоцикла затихло вдали, двое тех самых селян вновь, подхватив его под руки, поставили перед занявшей за столом место немца Киртичук.

– Тварь! – процедила она. – Ты, сука, будешь говорить, или будешь молчать?

Удар по рёбрам пришёл одновременно с двух сторон, выбил моментально только что восстановившееся дыхание, и Женька, кашляя от боли, вновь повалился на пол.

– Поднять его, поднять! – орала эсэсовка. – Ты, мразь, о чем он говорил, какие это были голоса?

Все опять заволочло туманом, его сознание как будто отключилось, ещё один прямой удар в лицо почти выбил из него дух. Он ещё раз слабо помотал головой, пытаясь хоть как-то восстановить прерывающееся, пульсирующее кровавыми сгустками дыхание.

– Молчи, держись . . . , – пришёл в мозг голос, и сразу оборвался, ибо прямой удар кованым сапогом в грудину ещё раз бросил его назад, он ударился головой о лавку и все в глазах вдруг стало ярко-кровавым. . . .

– А, можа, он вообще немой? – протянул один из детин-полицаев, переворачивая бессознательное тело Соболева, скрюченно лежащее на дощатом полу.

– Идиотина! – заорала в ответ Киртичук. – Как бы его немного за самолёт посадили? В погреб его, к тому танкисту, допросим ещё раз завтра, как очухается, гадина!

И смачно сплюнув на пол, она потянулась за стоящей в углу матово-зеленой бутылью с самогоном.

Им не пришлось в голову полностью его обыскать, и поэтому никто не мог заметить листок старой смятой бумаги, который Соболев практически неосознанно спрятал под рваную гимнастерку в самый момент начала того авианалета у церквушки.

Глава 12

1812 г., Алексей Берестов

Берестов не пошёл далеко навстречу мюратову парламентарю. Желая дать Неверовскому лишние минуты для отхода на неудобную для вражеской кавалерии позиции, он, как и раньше, тяжело воткнул окровавленную саблю в глинистую землю, и остановился, держась за эфес и осматривая все вокруг. То тут, то там, в мятой траве мелькали яркие пятна и шевелились тела: синие, зеленые, чёрные, алые. Везде валялись щепы, разбитые палаши и штыки, глухо и где-то далеко стонали раненые, хрипели умирающие кони. Как ему это было знакомо, сколько раз за последние годы он озирает поле боя, на которое его забрасывал незримый глас! Но теперь его била и шатала лихорадка от сабельной раны на плече, нестерпимо грызла боль от сломанной правой руки, пот лез в глаза, разум начинал холодеть.

– Думай! – приказал он себе. – Вот перед тобой враг, с которым ты раньше не сталкивался, такой же, как ты, и одновременно чуждый тебе! Ты должен задержать его, больше ничего не надо. Хотя бы ещё час. Господи, дай мне этот час!

Он завистливо глянул в уже начинающие темнеть перед скорым дождем небеса, быстро, наспех, трижды перекрестился, и обратил взор на французского кавалериста. Тот был уже рядом, в сияющем белом мундире, и с двадцати шагов Алексей заметил его заинтересованное и при этом слегка надменное выражение лица. Остановив прекрасную белую арабскую лошадь, офицер как-то брезгливо отбросил грязно-белую тряпку, которой он махал в знак переговоров, и спешился. Берестов спокойно ждал, не говоря ни слова, но француз торопливо приблизился, задорно глядя в глаза, и, сняв белую длинную перчатку, протянул руку.

– Шевалье Пьер де Кроссье, – представился он с легким гасконским, немного каркающим, но едва уловимым акцентом. – Второй адъютант его неаполитанского величества. Уполномочен вести переговоры с представителем русского командования.

Берестов нехотя и медленно, неожиданно для себя с трудом выговаривая французские слова и только пытаясь воспроизвести их характерный носовой тембр, назвал себя в ответ. Но более ничего не сказал, ожидая.

Французский офицер был почти на голову выше русского, его обрамлённое кудрями лицо с неожиданно тусклыми светло-синими глазами делало смешным усы, свисавшие двумя линиями строго вниз, как у казака-запорожца. В остальном он выглядел образцово, поражал молодецкой осанкой и статью, а на белоснежном, без единого пятнышка, мундире, красовался орден Почетного Легиона, маленький белый крестик, обрамлённый дубовыми ветвями. На вид шевалье было лет 35.

– Вы уполномочены вашим командованием вести переговоры? – спросил он, с любопытством оглядывая раны Берестова, его заляпанный кровью мундир, залитое потом лицо, сжатый рот и торчащую в земле перед ним саблю с золочением на эфесе.

– Командования здесь нет, шевалье. Я уполномочен начальником русских войск, против которых вы сражаетесь, более ничего не нужно, – медленно, растягивая слова и вновь как бы нехотя ответил Алексей.

– Ладно, поручик. Я думаю, мы оба знаем, зачем мы здесь. К дьяволу формальности! Скажу вам коротко. Мы должны здесь пройти. Вы на нашей дороге. Предлагаю вам почетную, самую которую только можно, сдачу на милость Великой Армии. Но прямо сейчас! Что скажете?

Берестов немного подумал. Ровно столько, чтобы потянуть время и не вызвать подозрения.

– Мне тоже чужды формальности, – ответил он. – Но я не осведомлён о том, что вы подразумеваете под почетной сдачей. Вам известно – за два месяца этой войны мы ещё никогда не просили прощенья. И сейчас...

– Все просто! – поспешно и даже невежливо перебил его де Кроссье. – Вы прекращаете сопротивление! Строитесь вдоль дороги, сдаёте все боеприпасы и пропускаете наши корпуса. Вам остаются все знамёна, пушки, оружие, форма и регалии. После прохождения Великой армии Ваша часть будет сопровождена до указанного вами лагеря. Довольно, своим сопротивлением сегодня вы уже заслужили себе славу! Хватит крови, её ещё будет много! Ради Вас, ради ваших отцов, матерей, жён и детей! Решайтесь, другого предложения сегодня уже не будет!

Шевалье говорил все с возрастающим жаром, подчеркивая свои аргументы интонацией и выражением загорелого лица. Берестов невольно залюбовался его молодцеватым пылом. Однако, и у него был свой план. Ненароком обернувшись на долю секунды, он увидел: вдалеке, там, где грязная коричнево-серая лента дороги сливалась с могучей буйной зеленью, уже был виден стройный край русского каре.

– Успели! – подумал поручик, и вновь обратил взор к французу. Тот уже смотрел ему в глаза, пытливо стараясь прочитать в них ответ.

– Нет! – твёрдо и коротко сказал Берестов, давая понять из последних сил, что любое обсуждение закончено.

Шевалье повернулся к своему коню, думая уехать, но затем остановился, и подошёл к русскому почти вплотную.

– Послушайте, – начал он, уже более дружеским, участливым тоном. – Мы оба знаем, кто мы. И мы оба слышим Глас. Мне он повелел помочь моему императору пройти здесь, вам же, видимо, поручил этого не допустить. У каждого из нас своя истина. Мы пришли сюда по велению нашего великого вождя, а вы защищаете свою землю. Я сегодня шёл на встречу с намерением убить вас, просто зарубить или застрелить. Но вам, очевидно, и так ясна ваша участь. Что вы знаете?

– Я знаю немного, – отвечал Берестов как можно более убедительно и медленно. – Да, я знаю, что сегодня я умру. И это не страшит меня, ибо я всегда повиновался тому, что слышу. Он направлял меня, в мире и войне, очевидно, как и вас, монсеньор де Кроссье. И вы правы, мы должны остановить вас здесь. Это все что мне сказали, и более мне ничего не известно. Я заканчиваю свой земной путь и готов с достоинством встретить мою смерть. Но пока я жив, вам здесь не пройти, знайте это!

– Когда впервые глас пришёл к Вам, поручик? – спросил француз после некоторого раздумья, явно, потрясенный словами Алексея.

– На Аустерлицком поле, во время тяжелого ранения.

– О да, то была славная битва. Гений нашего императора даровал нам победу. Но позвольте, я вижу, что вам совсем неведом истинный смысл. Послушайте меня, глас не создан для слепого повиновения. Он лишь адъютант, передающий вам мысленный приказ. Но вы можете не передавать и не исполнять его, или исполнить по-своему. В момент, когда вы получили его, история уже изменилась, и вы теперь ее творец! Вот и сейчас – я вижу, вы тяжело ранены, истекаете кровью. Прошу вас, передайте своему командиру мое предложение. Вы останетесь в живых. Как знать, какой следующий приказ придёт вам от гласа грядущего. Неужели вы не хотите узнать это? Мы можем менять историю. За нами будущее, если мы не обратимся в прах. Прошу вас, поручик! Я ведь знаю более Вас, глас уже почти двадцать пять лет со мной. Он помогал мне, ещё 12-летнему гаврошу, рушить стены Бастилии. Вёл меня вслед за генералом Бонапартом под пули на Аркольском мосту. На том же поле у Аустерлица, когда ваши кавалергарды поскакали на нас в отчаянную атаку, он, сделал ее безнадежной, приказав бросить навстречу наших великолепных кирасир! Вы подумайте, скольким людям на Земле ведома тайна гласа? Уверяю Вас, очень многим. Сотни, тысячи людей, получив его, начинают усердно

работать, дабы изменить ход истории. Вы и я – лишь малая толика этих усилий. Помните, нам предопределено пройти здесь, и, что бы вы не делали, мы пройдем и победим. Во имя Франции! Во имя мира! Сдавайтесь, прошу Вас! Не нужно вам умирать сегодня!

Берестов, уже не мог четко слушать и воспринимать все, о чем говорил француз: слабость от раны охватила его, закружилась, как в омуте, затуманенная голова, ноги начали подкашиваться. Отпустив эфес сабли, он начал оседать в траву, Шевалье бросился к нему и подхватил его за подмышки, но, собрав последние силы, Алексей здоровой левой рукой выхватил из-за пояса заряженный пистолет, и приставил дуло прямо ко лбу француза. Де Кроссье замер на месте, медленно опуская руки. Берестов стоял перед ним на коленях, жилы на лбу вздулись, рука с оружием тряслась, но взгляд его был твёрдым.

– Шевалье! – прохрипел он, сбиваясь на коверканье французских слов. – Если мы... если... только песчинки в механизме истории, значит, я могу..., да, убить вас прямо сейчас, здесь..., и ничего, ничего не изменится. И да...! Другие, слышащие глас, придут и довершат мое и ваше дело!

– Нет, – ответил де Кроссье, не моргнув глазом. – У вас не выйдет. Я восхищён вашей храбростью..., и твердостью. Но глас сказал, что мне не суждено умереть. Не сейчас!

Берестов выпустил из слабеющих рук пистолет, и, теряя сознание, повалился, утопая во влажной траве. Де Кроссье, обернувшись к русским, вдруг стал махать обеими руками крест-накрест, пока не увидел, как от далекого строя отделились три конных фигуры и быстро поскакали ему навстречу. Сзади, под оглушающий барабанный бой, приближался строй французских полков. Мюрат бросил своих гренадёров вперед вдоль дороги, а кавалерия уже охватывала оба прикрытых лесом фланга русских. Неверовский и два казака из его свиты подскакали к месту, где стоял шевалье, в ту самую секунду, когда до французской линии оставалось не более сотни саженей.

– Забирайте его, генерал. Он ранен, но ещё жив! – крикнул де Кроссье русским, сиюсь перекричать барабаны и указывая на тело Берестова.

Французы позади, как замороженные, наблюдали невиданную картину, не стреляя: адъютант их маршала, спешившись, помогал русскому генералу уложить русского же офицера на круп коня одного из помощников-казаков. Затем двое противников вскочили в седла, обменялись почтительными короткими салютованиями и, на миг задержавшись и глянув друг на друга, поскакали каждый к своим войскам. Шевалье промчался вдоль наступающего строя и подъехал к стоящей чуть позади свите Мюрата. Боевые линии противников уже были так близко, что когда Неверовский въезжал в строй своего каре, он отметил про себя напряженные, вжавшиеся выражения лиц передовых бойцов, готовых к схватке. До французов было уже менее пятидесяти саженей.

– Пли! – закричал он, поворачивая коня, и увидел, как первые шеренги врага валяются в траву. Ответный залп французов и второй залп русских грянули одновременно. Затем, с дикими криками, на всём участке каре почти в двести пятьдесят саженей, справа и слева из густой зелени стали выскакивать французские кирасиры. Бой закипел по всему периметру. Посаженные вдоль дороги дубы ослабляли таранный удар кавалерии, то тут, то там, всадники валились, кувыркаясь, пронзённые русскими штыками, вместе со смертельно ранеными конями. Рядом, крича от боли, падали русские солдаты, получив длинные кровавые разрезы от головы до пояса от вражеских палашей, но их моментально сменяли воины из следующих рядов. Отборная мюратова кавалерия домчалась до дальней стороны каре, выскочила на дорогу и ударила там, завершая окружение русских, но узкий участок не позволял им развернуться во всю ширь и мощь. Эти кирасиры были почти сразу отброшены, и, повернув, унеслись к своим основным силам. Неверовский, сидя на коне среди своих рядов, что-то кричал и махал шпагой. Его лицо пылало, стихия боя полностью захватила его. Две вещи только были сейчас ему интересны: стойкость его солдат и расстояние между так удачно прикрывавшими его фланги

могучими деревьями, он боялся быть вынужденным отступить на более открытое место, где кавалерия раздавит каре как яйцо. Но русские даже не колебались. Через пять минут упорного штыкового боя, стоившего обеим сторонам несколько сотен жизней, французы начали уставать и останавливаться. Их атакующие шеренги отхлынули, но вместо них теперь уже со всех сторон полетели новые массы кавалерии. Неверовский закрыл глаза, вокруг него туда-сюда сновали адъютанты, выкрикивали команды офицеры, трещали штыки и приклады, стонали раненные, ржали кони. Вот теперь русские шелохнулись назад, под давлением непрерывно врезавшихся в строй огромных всадников каре начало пятиться вначале медленным шагом, затем все быстрее, теряя убитых и раненных, и вырванные из рядов промежутки уже нечем было заполнять.

–... Не удержим! Все! Не удержим! – мелькнуло в голове у Дмитрия Петровича.

Он на секунду зажмурил и сразу приоткрыл глаза – прямо ему в лицо, стоя рядом на нетвердых ногах, смотрел пришедший в себя Берестов и улыбался последней в жизни, какой-то кроткой и одновременно ободряющей улыбкой.

– Мы задержали их, генерал! – сказал он, и глаза его, казалось, были наполнены слезами радости. – Мы победили, мне сказали... – и осекся, как будто испугавшись, что сболтнул лишнее. Неверовский посмотрел вдоль линии каре: в одном ее месте разрыв был большой, туда влетели, гортанно крича и рубя палашами направо и налево, несколько бешеных кирасир. Какая к черту победа! Вот на его глазах, с рассеченной от макушки до рта головой пал передовой знаменосец дивизии, роняя, но так и не выпуская из рук, забрызганное кровью и заляпанное грязью полотнище на древке.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

2

•
Здесь и далее по тексту имеется ввиду советский самолет-штурмовик ИЛ-2.